

Весенний дождь укутал город Чанъань, мелкие брызги разлетались по черепице резиденции генерала.

Чэн Шаошан, склонившись над столом, сосредоточенно вырезала деревянного орла. Это был подарок к возвращению Лу Ци с победой, над которым она трудилась целых семь дней. Как только последний штрих на клюве был закончен, в комнату вбежала нянюшка Лю:

— Госпожа! Из поместья Чэн прислали людей. Говорят, генерал Чэн с супругой вернулись в столицу и просят вас приехать для разговора!

Резец с сухим стуком упал на пол. Пальцы Чэн Шаошан слегка дрогнули, а ладони, перепачканные древесной стружкой, покрылись холодным потом. Пять лет. С тех пор как Лу Ци взяла её под опеку, родители, бросившие её, ни разу не поинтересовались её судьбой, не прислали ни единого письма. И вдруг — такая внезапная встреча?

— Передай, что я нездорова, — она опустила голову и подняла резец, голос прозвучал глухо.

Нянюшка Лю в замешательстве заламывала руки:

— Но посланники сказали... если вы не приедете, люди начнут судачить, будто генерал Лу не научила вас манерам.

Чэн Шаошан резко подняла голову. Можно говорить что угодно о ней самой, но сметь порочить Лу Ци она не позволит!

— Готовьте экипаж, — она отложила инструмент и отряхнула с одежды опилки. — Сейчас переоденусь и поеду.

Перед медным зеркалом Чэн Шаошан выбрала платье из парчи лунного сияния, которое подарила ей Лу Ци: серебряные нити складывались в причудливый узор, напоминавший при движении струящийся Млечный путь. Она велела служанке уложить волосы в модную в Чанъане причёску с двойным пучком и вколола жемчужную шпильку, подарок Лу Ци. Девушка, смотревшая на неё из зеркала, была свежа и прекрасна — от той замарашки, которой она была когда-то, не осталось и следа.

— Сестрица вырастила меня достойной, — прошептала она своему отражению, словно пытаясь приободриться.

У ворот поместья Чэн Шаошан глубоко вздохнула, прежде чем выйти из экипажа. Дождь намочил каменные ступени, она осторожно приподняла подол, но тут же услышала изнутри смех — это Сяо Юань расхваливала каллиграфию Чэн Ян.

— Четвертая госпожа прибыла, — стоило служанке объявить об этом, как в зале воцарилась

тишина.

Чэн Шаошан переступила порог и по всем правилам поклонилась:

— Приветствую отца и матушку.

Чэн Ши, просияв, уже хотел что-то сказать, но Сяо Юаньби первой отставила чашку с чаем, и её взгляд, острый, как клинок, прошелся по всей фигуре дочери:

— Вспомнила, что у тебя есть дом? А я думала, ты давно о нас забыла.

Чэн Шаошан сжала пальцы в кулаки, но на лице сохранила улыбку:

— Матушка шутит, я всегда помнила о доме.

— Помнила? — усмехнулась Сяо Юаньби. — Слышала, ты в резиденции генерала совсем от рук отбилась: учишься какому-то низкому ремеслу плотника, машешь мечом вместе с генералом Лу. Разве так подобает вести себя благородной девице?

Чэн Ян, сидевшая в стороне с вышивкой, украдкой взглянула на сестру, в её глазах читалось сочувствие.

— Генерал Лу относится ко мне очень хорошо, — Чэн Шаошан выпрямила спину. — Она учит меня грамоте и боевым искусствам, даже велела обустроить мастерскую, чтобы я...

— Мастерскую? — перебила её Сяо Юаньби, голос её резко взлетел. — Дочь семьи Чэн — и целыми днями возится с опилками? Посмотри на Ян-Ян, она в совершенстве владеет игрой на цитре, шахматами, каллиграфией и живописью — вот пример истинной девицы из благородного дома!

Чэн Ши попытался сгладить углы:

— Шаошан ещё мала, со временем всему научится...

— Мала? Ян-Ян старше неё всего на два года! — Сяо Юаньби злилась всё больше. — Слышала, ты даже Наставления для женщин не можешь выучить наизусть? Этому тебя учат в резиденции генерала?

На душе у Чэн Шаошан стало тяжело, словно её окунули в ледяную воду. Она вспомнила слова Лу Ци, когда та учила её Искусству войны Сунь-цзы: Зачем женщине обязательно читать Наставления для женщин? Моя Шаошан должна читать великие книги, что охватывают весь

мир.

— Дочь была нерадива, — в конце концов лишь тихо произнесла она, впиваясь ногтями в ладони.

Сяо Юаньши хотела добавить что-то ещё, но служанка принесла приглашение из поместья Вань — на завтрашний праздник любования цветами.

— Как раз вовремя, — Сяо Юаньши убрала приглашение и холодно посмотрела на Чэн Шаошан.
— Завтра поедешь с нами, пусть госпожа Вань посмотрит, чему тебя там научили!

Чэн Шаошан хотела отказаться, но подумала: если она не пойдет, люди решат, что Лу Ци не умеет воспитывать. Сцепив зубы, она ответила:

— Дочь слушается.

Когда она покидала поместье, весенний дождь усилился. Чэн Шаошан не стала просить кучера подвезти её и пошла пешком, платье вскоре забрызгало грязью. Ей было всё равно, она механически переставляла ноги, а в ушах всё ещё звучали слова Сяо Юаньши, ранившие больнее кинжалов.

Завернув за угол, она вдруг присела и обхватила колени руками, спрятав лицо. Дождь смешивался со слезами, намочая воротник. Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем над её головой раскрылся промасленный бумажный зонт.

— Госпожа, берегите себя, простудитесь.

Чэн Шаошан подняла голову — это был охранник из резиденции, Чжан Юн. Он протянул ей сухой плащ:

— Генерал перед отъездом приказала мне тайно оберегать вас.

Лу Ци... даже уходя в поход, она помнила о ней. Чэн Шаошан плотнее закуталась в плащ, вдруг почувствовав, что стало совсем не холодно.

На следующий день Чэн Шаошан вновь пришлось переступить порог поместья Чэн, чтобы отправиться в поместье Вань. В карете Сяо Юаньши не переставала давать указания:

— В поместье Вань поменьше говори, не позорь семью Чэн...

В саду уже собрались знатные девицы. Чэн Шаошан тихо шла за спиной Сяо Юаньши, но всё

равно ловила на себе любопытные взгляды.

— Это та самая Четвертая госпожа Чэн, которую удочерила генерал Лу?

— Говорят, она груба и неотесана, целыми днями занимается низким трудом.

— Добралась до высот и забыла свои корни, даже родных родителей не признает...

Шепот, словно ядовитые змеи, проникал в уши. Чэн Шаошан сохраняла невозмутимое лицо, но руки, спрятанные за спиной, сжала до боли.

Пятая принцесса в окружении знатных девиц подошла к ней и с притворной улыбкой произнесла:

— Госпожа Чэн, говорят, генерал Лу души в вас не чает. Должно быть, вы обладаете выдающимися талантами? Не покажете ли нам что-нибудь?

Сяо Юань подтолкнула её:

— Иди, чего стоишь?

Чэн Шаошан посмотрела на приготовленный музыкальный инструмент и тихо сказала:

— Я не сильна в музыке.

— Тогда в поэзии?

— Тоже не мастер.

— В рукоделии?

Каждый отказ вызывал насмешки. Лицо Сяо Юань побледнело от гнева, Чэн Ян в тревоге дергала сестру за рукав:

— Сестрица, скажи хоть что-нибудь...

— Я умею только работать с деревом, — спокойно ответила Чэн Шаошан. — Если вам интересно, могу смастерить механическую птичку.

Девушки рассмеялись. Пятая принцесса визгливо добавила:

— Действительно, никчемная девка! Неудивительно, что даже родные родители от тебя отказались!

Эти слова пронзили её, как клинок, дыхание Чэн Шаошан перехватило. Краем глаза она заметила, что Сяо Юань отвернулась, даже не пытаясь её защитить.

— Прошу принцессу выбирать выражения, — она с трудом сдержала дрожь, голос прозвучал удивительно четко. — Мои отец и матушка здесь.

Принцесса не унималась:

— Тогда почему ты так цепляешься за генерала Лу? Говорят, ты ходишь за ней по пятам, не из-за того ли, что питаешь к ней какие-то недостойные чувства?

В глазах Чэн Шаошан сверкнул холодный блеск. Она заметила неподалеку старый деревянный мостик, опоры которого уже подгнили — как плотник, она сразу увидела эту опасность.

— Раз принцессе так интересно, как мы с генералом Лу общаемся, — она внезапно улыбнулась, — почему бы мне не показать вам устройство одного интересного механизма, которому она меня научила? Вон на том мостике.

Девушки, поддавшись любопытству, последовали за ней. Чэн Шаошан сделала вид, что объясняет конструкцию моста, а сама незаметно расшатала шпилькой несколько ключевых креплений. Когда все оказались на мосту, она под предлогом упавшего платка отошла к берегу.

— А-а-а!

— Мост рушится!

Раздались крики, мост с грохотом обвалился, Пятая принцесса и остальные полетели в воду, барахтаясь, словно пельмени в кипятке. Чэн Шаошан стояла на берегу и холодно наблюдала за этим балаганом.

— Чэн Шаошан! — за спиной раздался гневный окрик Сяо Юань. — Что ты натворила!

В карете по пути домой Сяо Юань была вне себя:

— На колени!

Чэн Шаошан послушно опустилась на пол, слушая град упреков:

— Такая юная, а уже такая порочная! Сегодня я применю семейное наказание, чтобы научить тебя уму-разуму!

В главном зале поместья собрали всех слуг. Сяо Юаньши, сжимая в руках прут, приказала:

— Протяни руки!

Чэн Шаошан, поджав губы, протянула ладони. Она не боялась боли, она думала о Лу Ци — как та ласково учила её писать, как вместе с ней вырезала деревянные фигурки...

— Сегодня я покажу тебе, что такое правила! — Сяо Юаньши занесла прут.

Раздался свист рассекаемого воздуха, Чэн Шаошан зажмурилась, но боли не последовало. Открыв глаза, она увидела темный силуэт — кто-то перехватил прут одной рукой!

Человек был в доспехах, от него веяло холодом поля боя. Серебристые волосы, собранные в хвост, сияли на солнце, а на мече у пояса виднелись пятна запекшейся крови.

Это была Лу Ци! Она вернулась раньше!

— Г-генерал Лу? — Сяо Юаньши от испуга выпустила прут.

Лу Ци отбросила его в сторону, металлические наручи издали резкий звон. Она развернулась и опустилась на одно колено, внимательно осматривая Чэн Шаошан:

— Ты не пострадала? — голос был мягким, совсем не похожим на тот, что звучал мгновение назад.

Чэн Шаошан покачала головой, в горле застрял ком, она не могла вымолвить ни слова.

Лу Ци поднялась, заслонив собой девушку, и обвела холодным взглядом присутствующих:

— Моих людей никто не смеет наказывать.

Сяо Юаньши попыталась сохранить достоинство:

— Генерал Лу, это семейное дело семьи Чэн... Шаошан сегодня...

— Я знаю, что произошло, — отрезала Лу Ци, голос её был ледяным. — Принцесса сначала оскорбила меня, а потом Шаошан. За этот мост я заплачу.

Чэн Ши попытался вмешаться:

— Генерал Лу, прошу, не гневайтесь, моя жена погорячилась...

— Погорячилась? — усмехнулась Лу Ци. — Бросили дочь на десять с лишним лет, а как вернулись — придираетесь к ней по любому поводу. Вот оно, воспитание семьи Чэн? — она взяла Чэн Шаошан за руку. — Шаошан в моей резиденции читает книги, учится сражаться и владеет ремеслом — она в сто раз лучше тех, кого вы называете благородными девицами.

Чэн Шаошан стояла за спиной Лу Ци, глядя на её прямую, как сосна, спину, и вдруг почувствовала, что все её обиды нашли пристанище. Слезы прорвали плотину, она крепко вцепилась в плащ Лу Ци, словно в спасательный круг.

Лу Ци почувствовала дрожь девушки, развернулась и заключила её в объятия:

— Поехали домой.

Четыре простых слова заставили Чэн Шаошан окончательно разрыдаться. Она уткнулась лицом в грудь Лу Ци, плача как ребенок. Холодная броня была для неё надежнее любого шелка.

Лу Ци подхватила её на руки и широким шагом направилась к выходу. Проходя мимо Сяо Юаньши, она холодно бросила:

— С этого дня Шаошан больше не имеет отношения к семье Чэн. Если я услышу хоть слово сплетен — она похлопала по мечу, — мой клинок только что пил кровь.

В зале воцарилась тишина, никто не посмел преградить им путь.

В карете Чэн Шаошан продолжала всхлипывать. Лу Ци сняла доспехи и, оставшись в нижней одежде, обняла её, поглаживая по спине:

— Ну всё, не плачь. Я привезла тебе подарок.

Чэн Шаошан подняла заплаканные глаза:

— Сестрица ведь говорила, что вернется только через полмесяца...

— Получила донесение от Чжан Юна, что семья Чэн вернулась и тебя вызвали туда, поэтому я скакала всю ночь, — Лу Ци вытерла слезы рукавом. — По пути заодно разгромила логово разбойников.

Только сейчас Чэн Шаошан заметила темные круги под глазами Лу Ци — было ясно, что та не спала несколько дней. Она с болью в сердце коснулась лица Лу Ци:

— Сестрица, ты устала?

Лу Ци покачала головой и достала из-за пазухи маленькую деревянную шкатулку:

— Открой, посмотри.

Внутри лежал нефритовый кулон цвета молодой листвы, вырезанный в форме маленького лисенка, словно живого.

— Похож на тебя, — Лу Ци привязала кулон к её поясу. — Увидела на границе и подумала, что тебе понравится.

Чэн Шаошан коснулась кулона и вдруг вспомнила о своем, достав из рукава недоделанного деревянного орла:

— Я... я не успела закончить...

Лу Ци взяла орла, в её глазах мелькнуло удивление:

— Это мне?

— Угу, — Чэн Шаошан смущенно опустила голову. — Хотела подарить, когда сестрица вернется с победой...

Лу Ци бережно прижала орла к груди:

— Это лучший подарок, который я когда-либо получала.

Карета ехала по улицам Чанъаня, солнце пробивалось сквозь занавески, оставляя на них теплые блики. Чэн Шаошан прислонилась к плечу Лу Ци, слушая ровное биение её сердца, и внезапно поняла, что все бури и невзгоды снаружи больше не имеют значения.

Там, где есть сестрица — там и есть дом.

<http://bllate.org/book/20254/2019754>